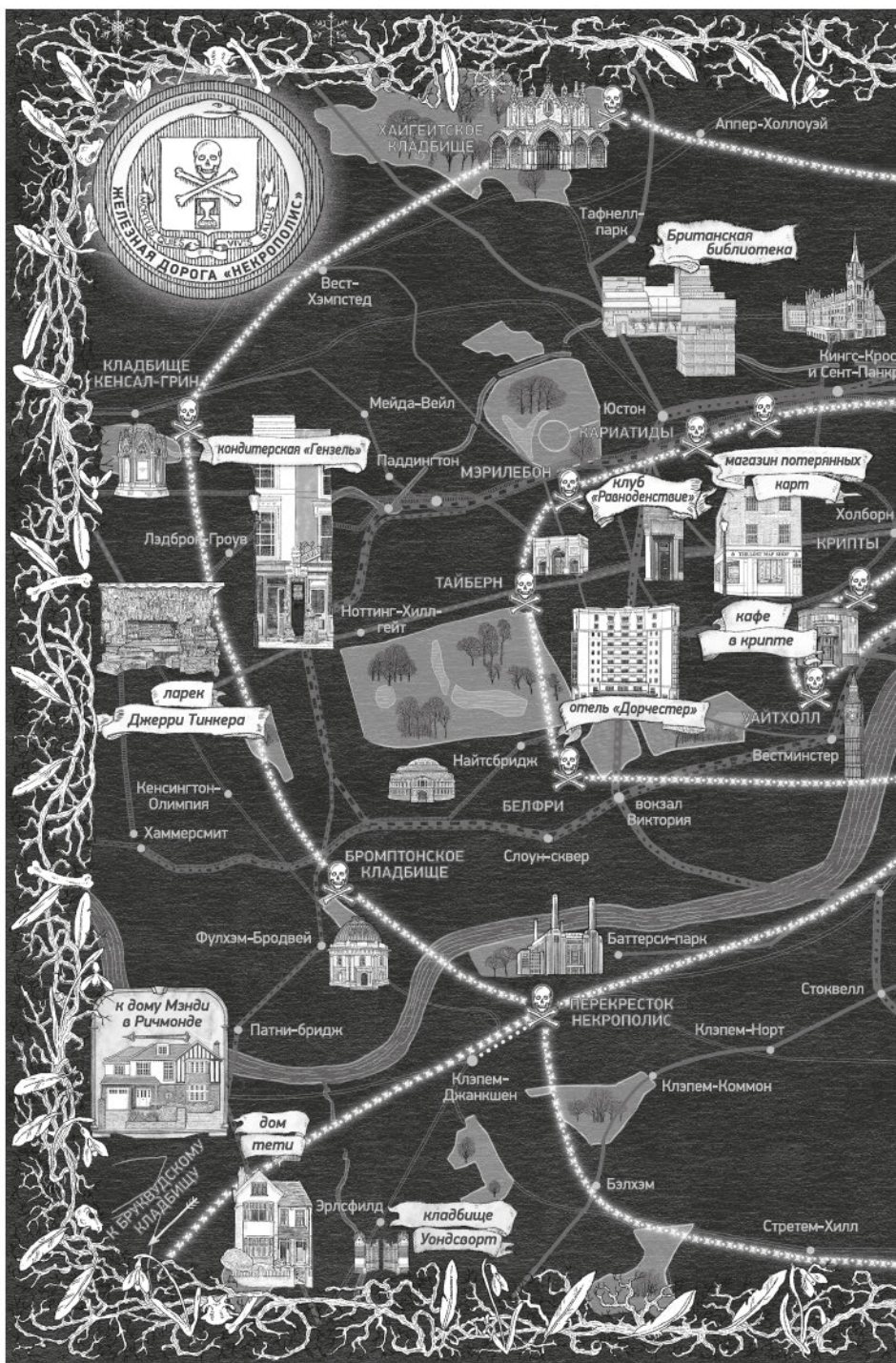
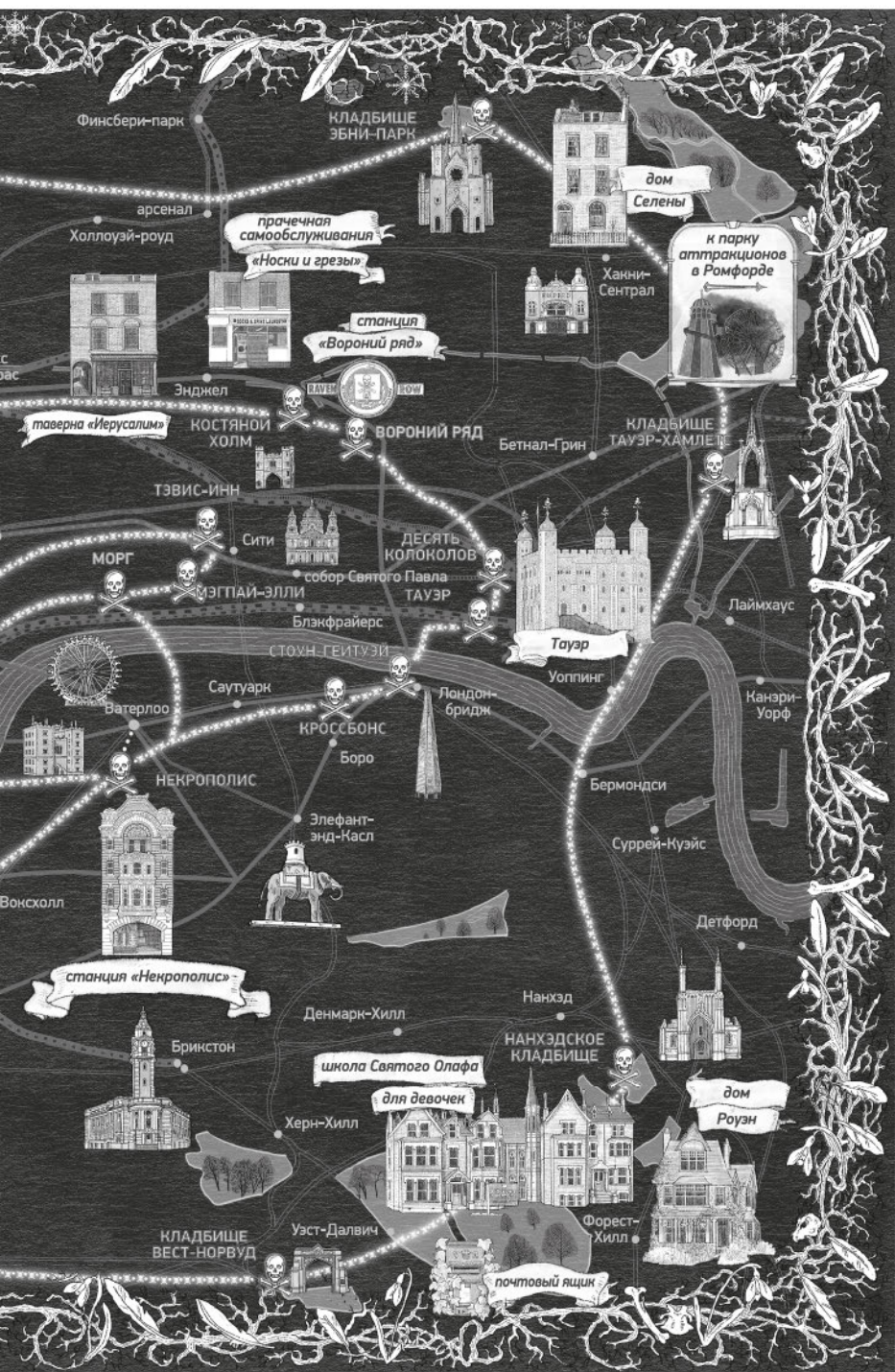

Из Хада выход есть.

Поговорка ведьм Хада

Одного увидишь — упадешь,
Двух — заплутаешь,
Трех — что-то вспомнишь,
Четырех — заподозришь,
Пятерых — к сердцу,
Шестерых — ко тьме.
Семерых — умрешь
Или научишься летать.

Песенка о воронах.

Песни матушки Метелицы

КЛЮЧЕВЫЕ ФИГУРЫ

Анна Эверделл — наша главная ведьма, выросшая в тени своей тети.

Та строго запрещала ей творить магию и приучала подавлять эмоции, завязывая узлы на специальном шнурке — наузе.

Вивьен Эверделл — злая и жестокая тетка Анны. Принадлежит к роду ведьм, известных как наузники, которые верят, что магия греховна и несет опасность.

Мари Эверделл и *Доминик Крукшенк* — мать Анны, ведьма, и ее отец, коун, трагически погибшие насильственной смертью, когда Анна была еще совсем малышкой.

Селена Фоукс — старая подруга семьи, которая училась в одной школе с Вивьен и Мари; гедонистка и обольстительница, специализирующаяся на приворотных зельях.

Эффи Фоукс — выращенная Селеной, безбашенная и не признающая авторитетов Эффи назначила себя главой школьного ковена. Единственное ее слабое место — это...

Аттис Локерби — лучший друг и не особенно даже тайный любовник Эффи. Отчаянный любитель флирта и дамский угодник; часенько зависает у себя в кузнице.

Роуэн Гринфинч — острая на язык, помешанная на парнях и самокритичная участница школьного ковена; любимица рощи травников, которые специализируются на растительной магии.

Миранда (Мэнди) Ричардс — нервная и амбициозная участница ковена; происходит из семьи коунов.

Соковыжималки — Дарси, Оливия и Коринн — зловердные и безжалостные девчонки из их параллели в школе, прозванные так из-за пристрастия к свежавыжатым сокам, которые они пьют каждое утро.

КЭРИ ТОМАС. ЯЗЫК МАГИИ

Питер Ноуэлл — давний школьный краш Анны, один из самых красивых и популярных мальчиков в параллели.

Берти Гринфинч — мама Роуэн, абсолютная легенда среди травников. Умеет чудесно обниматься.

Песахья — человечек, чья кожа покрыта словами. Живет в волшебном книгохранилище, расположенном глубоко под Британской библиотекой. Помог Мари, когда та пришла в библиотеку в поисках способа снять проклятие.

Яга Бабанова — древняя ведьма со склонностью наводить кошмарные иллюзии и с нездоровой любовью к загадкам. Слегка не в себе.

Семерка — самые могущественные ведьмы и защитницы магического мира.

Охотники — существует мнение, что за охотой на ведьм в темные века стояла секта из пяти членов. Однако большинство нынешних ведьм считают, что это всего лишь легенда.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ КНИГИ

Шесть женщин с одинаковыми лицами обнаружены повешенными в окнах Биг-Бена. Загадка безликих женщин взбудоражила мир обычных людей, коунов, в то время как миру магии известно, что это Семерка, защитницы всех ведьм: шесть найдены повешенными, седьмая бесследно исчезла, — но кто убил их?

Тетка Анны, постоянно живущая в страхе перед тем, что их с племянницей магические способности выплывут наружу, предупреждает Анну, что это может привести к возобновлению охоты на ведьм. Анне в скором времени предстоит пойти по тетиным стопам и тоже стать наузником, подвергнувшись церемонии Связывания, которая навсегда лишит ее магической силы.

Однако устоявшийся уклад их жизни нарушается, когда на пороге их дома появляется старая подруга семьи Селена с дочерью Эффи и загадочным приятелем последней Аттисом. Эта парочка поступает в ту же школу, где учится Анна, и заманивает ее в ковен, убеждая заняться магией. Однако, когда заклинания Анны раз за разом приводят к появлению Ока, спиралевидного узора из семи концентрических кругов, считающегося проклятой меткой, Анна вынуждена подвергнуть сомнению все, что ей известно о смерти ее родителей. Они погибли, когда девочка была совсем крошкой: отец задушил мать, а затем покончил с собой после того, как она обвинила его в измене.

Анна обнаруживает, что ее родители погибли в том самом доме, где она живет, в комнате на верхнем этаже, которую тетя запирает от нее на ключ. В поисках ответов она углубляется в скрытый от глаз простых смертных магический мир Лондона. Однако подозрения о магии с каждым днем все больше и больше просачиваются в ново-

сти, а некая загадочная организация начинает расследование смертей безликих женщин, предполагая возможную связь с оккультизмом.

Разрываясь между страхами, глубоко укоренившимися в ее душе благодаря тете, и искушением магии, Анна обнаруживает, что ее магические силы стремительно растут. По мере того как они с Аттисом сближаются, а школу охватывает эпидемия отвратительных слухов, порожденная заклинанием, наведенным ковром, между Анной и Эффи нарастают напряжение и ревность. Кульминации напряжение достигает на летнем школьном балу, где Эффи предает Анну, переспав с Питером, партнером Анны.

В отчаянии девушка возвращается обратно к тете и начинает готовиться к церемонии, которая назначена на следующее утро, однако ночью она проникает в ту самую запертую комнату на верхнем этаже и обнаруживает там своего «отца» — хотя на самом деле это его точная копия, голем, созданный ее тетей для постельных утех. Тетя вынуждена рассказать ей о том, что Анна и Эффи — близнецы, обреченные влюбиться в одного и того же мужчину, причем одна из них из-за него убьет другую. Это проклятие уходит корнями на многие поколения назад: тетя и мать Анны были обе влюблены в ее отца. Тетя утверждает, что Мари предала ее, как Эффи предала Анну, и что в ходе церемонии проклятие должно быть связано. Она предупреждает, что оно затрагивает не только их; что проклятия несут в себе могущественную магию и, учитывая все происходящее, только привлекут к ним внимание.

Над Анной производят церемонию. Чтобы завершить ритуал и связать проклятие, она должна принести в жертву Эффи и Аттиса. Но вместо этого она развязывает все узлы на своем наузе, выпуская на волю свою сдерживаемую магию, и одолевает наузников. Аттис тем не менее пытается принести себя в жертву, однако Анна с Эффи объединяют свою магию и спасают его. Анна обращает голема против тети, пытаясь ее задушить, однако не может заставить себя пойти до конца... И тогда на церемонии посвящения в наузники одна из присутствующих — Лианна Уизеринг — довершает дело за нее и убивает тетю.

Селена открывает девочке правду: Мари с Вивьен разошлись на почве любви обеих к отцу Анны, Доминику. Тетя примкнула к наузникам, а Мари сошлась с Домиником. Вскоре забеременев, она стала искать способ положить конец проклятию. Однако, после того как Анна и Эффи появились на свет, Вивьен вернулась, чтобы ото-

КНИГА 2. УЗОРЫ ТЬМЫ

мстить, связав волю Доминика и заставив его убить сперва Мари, а затем и себя самого. Шантажом она вынудила Селену помочь ей обставить все так, чтобы ни у кого не возникло сомнений в виновности Доминика, и растить Анну и Эффи порознь. Они намеревались свести девочек вместе после того, как им исполнится шестнадцать, чтобы запустить действие проклятия и затем связать его.

Но тетя не знала, что Мари нашла способ обезвредить проклятие — живое заклинание, чья кровь могла остановить его: Аттис. Селена родила его. Аттис с Селеной условились, что он принесет себя в жертву во время церемонии и тем самым навеки покончит с закланием. Анна клянется, что не позволит ему снова попытаться убить себя.

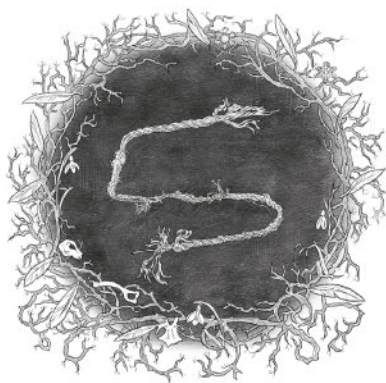
Заканчивается книга слухами о том, что Семерка вернулась, но утверждается, что на них ведется охота... Тем временем организация, расследующая их смерть, переименовалась в Бюро профилактики и предотвращения колдовских практик и публично заявляет, что безликие женщины были ведьмами и что магия представляет невыдуманную и растущую угрозу для всего человечества. Ведьмам лучше бы залечь на дно и не отвечивать, но, после того как выходки ковена в школе попадают на первые полосы новостей, не окажется ли, что они очутились в самом центре бури?

Они встретились втайне. Они встретились во тьме. Свет был ни к чему. Звезды слабо мерцали в вышине. Они тоже были ни к чему. Вокруг высились древние стены, толстые и неприступные, — стены из камня, стены, сотканые из кости и магии, стены, возведенные не ради того, чтобы никого и ничто не впустить внутрь, но ради того, чтобы никого и ничто не выпустить наружу. За ними бурлил Лондон, не спящий даже ночью, шумный и враждебный, внутри же царила тишина. Тишина, словно щетинившаяся колючими иглами. Лондонский Тауэр никогда по-настоящему не был частью города.

Один силуэт в длинном плаще в центре, еще четыре по краям. В вышине темнела луна — Темная луна, созданная для самых темных дел. Они подняли голову, но ночь отпрянула от того, что скрывали под собой их капюшоны, — ибо это едва ли можно было назвать лицами. Наполовину плоть, наполовину черепа. Наполовину живые, наполовину мертвые. Одна половина отражала свет, другая засасывала его в темные провалы — пустоту на тех местах, где находились когда-то глаза, носы и губы, теперь же был один лишь тлен, кости и впадины глубокие, как сама смерть.

Они открыли рот — с одной стороны шевелящиеся щека, губы и язык, с другой череп, зубы и бездна — и заговорили, но слова были слишком чудовищны, чтобы их можно было осмыслить. Слова эти способны заставить ночь съезжиться, сорвать звезды со своих орбит, заставить Лондон замереть, а всех его жителей обезуметь от страха. Слова, несшие в себе больше смерти, чем жизни. Они загнанным эхом заматались меж стен, отскакивая от них и вновь возвращаясь; они поднимались все выше и выше, голодные и отчаянные, цепляясь за жизнь, за смерть, а потом преодолели стены и вырвались на волю...

И полетели в ночь, черные, точно перья Хада.

ПОГРЕБЕНИЕ

Не хороните своих мертвых, ибо они живут среди нас. Покуда их души остаются активными в Хаду, их земные тела следует регулярно омыwać, кормить и радовать приношениями; их посмертные дни праздновать, а их алтари почитать.

*Уход за мертвыми. Посвящение в ведьмы Хада.
Стадия первая*

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Анна растянула науз между пальцами. Теперь это была скорее привычка, нежели что-то еще. Науз больше не приносил ей успокоения; узлов, помогавших держаться, на нем не осталось — лишь грубая шершавая бечевка, потихоньку начинавшая уже истираться, точно воспоминание. А ведь когда-то в нем было заключено столько всего сразу: ее радости, страхи, затаенные горести, подавленные желания, гнев и ненависть и даже, пожалуй, любовь. Ее жизнь с тетей, упорядоченный набор накрепко связанных эмоций, которые ей запрещалось испытывать. Но узлов больше не было. *Почему же я все равно ничего не чувствую?*

Небо было цвета серой пустоты; вороны, перелетавшие с дерева на дерево, черными росчерками полосовали бесцветную хмарь, их безразличные пронзительные крики единственные нарушали

безмолвие. Пришедшие на похороны, в своих черных глянце­вых плащах похожие на птиц, сгрудились вокруг открытой мо­гилы; лица у них тоже были серые и безрадостные, будто вы­резанные из морси. Народу собралось всего ничего: кое-кто из тетинных коллег, пара соседей да горстка старых знакомых. И никого из наузников. Селена, в своем фиолетовом наряде, среди них выглядела до странности неуместно, чтобы не сказать неприлично. Ее волосы, самое яркое пятно в радиусе нескольких миль вокруг, были упрятаны под широкополую шляпу. Никто, казалось, не замечал, что под зонтом она совершенно сухая, несмотря на косые струи дождя. Она попыталась перехватить взгляд Анны, но та не нашла в себе сил встретиться с ней глазами. Взгляд ее был устремлен на огромное современное кладбище. Тетя одобрила бы его организованность и порядок — бесконечные ряды ухоженных могил, в точности таких же безликих, как и сама смерть. На некоторых мокли под дождем цветы, пожухлые приношения. Тете цветы никто носить не станет. И ходить к ней на могилу тоже. Очень скоро она будет позабыта и станет одной из множества других таких же.

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Анна стиснула безжизненный вялый науз. Мир вокруг плыл и искривлялся. Неужели она в самом деле присутствует на тетинных похоронах? Тетя. *Моя тетя*. Неужели она в самом деле мертва? Это казалось невозможным. Тетя всегда производила впечатление неуязвимой. Несокрушимой силы. Анна попыталась представить, каково это — чувствовать себя свободной, но перед глазами у нее стояли лишь нескончаемые ряды могил. Как она может жить, когда всю ее жизнь — как содержание, так и форму — всегда определяла тетя? Как она может жить, когда смерть тети на ее совести? *Это все я виновата.*

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть вниз.

Но от земли уже начинал подниматься холод: он расползался от ступней вверх по ногам, точно заскорузлые корни, обвивающие ее, оплетающие все туже и туже, — и в мозг Анны вместе с воспоминаниями хлынула тьма. День, когда она развязала все узлы на своем наузе, воскрес в ее памяти круговертью стремительно сменяющих друг друга мучительных образов: церемония Связывания,

усиливающие хватку побеги, облетающие розовые лепестки, брызнувшая фонтаном из груди Аттиса кровь, ее рука в руке Эффи, их объединенная магия, судорожное дыхание Аттиса, оборвавшееся и вернувшееся вновь, — самый прекрасный звук на свете; пальцы голема, сомкнувшиеся на тетиной шее, ее отчаянный хрип — самый чудовищный звук на свете. Мир, в тот день ставший магическим, и Анна в его центре, сплетающая его нити в нечто могущественное и ужасное.

— Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху: в нерушимой надежде на воскресение к жизни вечной в Господе нашем Иисусе Христе.

Священник склонил голову, и присутствующие последовали его примеру.

Я не стану смотреть вниз.

Я не стану смотреть...

Я не стану...

Я не...

Анна посмотрела на небо. На листья, слетающие с деревьев. На отчаянную пустоту внутри. А потом — потом она посмотрела вниз.

На гроб, поблескивавший на дне могилы. В нем, в этом гробу, лежала тетя — в земле, посреди червей и тлена — всего того, что она всегда ненавидела. Анна попыталась отвести взгляд, но не смогла. Тьма протянула к ней свои щупальца — и поглотила ее. Анна теперь тоже была там, внизу, не способная ни видеть, ни дышать. Она падала и падала — и ей не за что было ухватиться.

Тишину прорезал крик.

И еще один. И еще. Теперь крики неслись отовсюду сразу. Анна силилась вынырнуть из этой тьмы — голова ее запрокинулась — в попытке понять, что происходит, но то, что она увидела, не делало ничего более понятным...

Гости заходились в крике. Все до единого. С выпученными глазами, разверстыми ртами, искаженными ужасом лицами, они кричали и кричали — глухо, утробно. Миссис Чапман, соседка, вопила, обхватив лицо руками; еще одна женщина визжала, упав навзничь; священник выл, рухнув на колени и воздев руки к небесам, как будто у них не оказалось ни одного ответа, которые он обещал. Вороны на деревьях вторили им пронзительным граем, в клочья полосуюя небо своими голосами, и их зловеющий хор был таким невыносимо громким, что, казалось, они вот-вот поднимут мертвых из своих могил.

Единственной, кто не поддался всеобщему безумию, была Селена. Она ошеломленно посмотрела на Анну, а потом взмахнула руками и выкрикнула:

— Альсамт!

Крик резко оборвался.

Люди начали медленно приходить в себя — закрывали рот, качали головой, поправляли пальто и шляпы и стискивали руки, как будто ничего не произошло. Как будто и не было только что этого всеобщего безумия.

Священник поднялся на ноги и как ни в чем не бывало продолжил:

— А теперь давайте помолимся вместе...

Гости вновь устремили взгляды на могилу, и панихида продолжилась под дождем.

Больше Анна вниз не смотрела.

Поминки устроили в тетином доме на Кресси-сквер. Никогда еще там не было таклюдно. Гости жевали сэндвичи и потягивали кислое вино, вымученно и неискренне улыбаясь Анне. *Какое горе!* Анна, как заводная кукла, механически кивала в ответ, произносила полагающиеся случаю слова и ничего не чувствовала. Селена изображала из себя гостеприимную хозяйку — *да, мы с ней были давними подругами. Совершенно ужасно — инфаркт в таком молодом возрасте. Нам будет страшно ее не хватать.* Анна подозревала, что большинство гостей явились исключительно ради того, чтобы поглазеть по сторонам — осудить и обдать презрением дом женщины, которая осуждала и обдавала презрением их.

Разошлись все очень быстро. Через час все было кончено: тетиная жизнь была стерта, как случайное пятно, о котором назавтра никто даже и не вспомнит. *Любовь — это все, что остается после нас, а в тебе ее было не слишком-то много, тетя.* Анна с Селеной сидели на кухне. Селена то и дело подливала себе в бокал вина из початой бутылки, пытаясь болтовней разрядить молчание:

— Слава Богине, все это наконец позади! Какой-то мужик загнал меня в угол и битых полчаса рассказывал про свою коллекцию удочек. Ненавижу коунские похороны. Все в черном и с унылыми лицами. Черный — цвет соблазнения, а не траура. Я хочу, чтобы на моих похоронах все были в ярком, а мужчины падали на колени. Шампанское рекой. Танцы до упаду всю ночь напролет. Безумные ритуалы под луной. И вообще, что за похороны без обнаженки? —

Она улыбнулась, пытаясь перехватить взгляд Анны, но в конце концов сдалась и допила остатки вина из бокала. — Ты точно не хочешь выпить? Алкоголь притупляет ощущения.

Анна слабо покачала головой:

— Это не то вино, что пили на поминках, если тебя это беспокоит. Я стащила его из винного шкафчика. Надеюсь, я выбрала самое лучшее. Представляю себе, как взбесилась бы Вивьен! Одна мысль об этом делает это вино еще вкуснее! — Селена издала смешок, но Анна никак на него не отреагировала. — Спичечка, то, что произошло на похоронах...

Анна напряглась. В ушах у нее до сих пор звенели крики. Они не утихали ни на миг. Она опустила глаза и вжалась в сиденье:

— Я ничего не делала...

— Я знаю, что ты это не нарочно, — произнесла Селена мягко. Слишком мягко. — Но я обеспокоена, малышка. Твои эмоции... твоя магия... они вышли из-под контроля. Ты должна позволить себе горевать. Плакать не стыдно...

Селена протянула ей руку. Анна взглянула на нее, не понимая, как взять ее, как заплакать.

Она встала из-за стола и принялась собирать тарелки:

— Займусь-ка я лучше наведением порядка.

Селена за спиной у нее вздохнула:

— Не волнуйся, малышка, я вызвала уборщиков, они уже вот-вот должны подойти. Ты точно не хочешь, чтобы я организовала вывоз всего этого барахла? Мы могли бы избавиться от этого старья...

— Пока нет, — отрывисто отозвалась Анна.

— Хорошо. — В тоне Селены прозвучало сомнение. — Что ж, почему бы тогда тебе не проверить еще раз, не осталось ли здесь чего-нибудь такого, что ты хотела бы забрать с собой, пока мы не ушли?

Анна обвела взглядом кухню. Тетины посудные полотенца. Тетины бокалы. Тетины кухонные весы. Недописанный список покупок на холодильнике тетиным почерком. Ее запах, до сих пор разлитый повсюду, — духи с ароматом магнолии, садовое мыло, терпкое масло для волос. Анне не хотелось копаться во всем этом, выбирать нужное, складывать его. Хотелось просто закрыть за собой двери и оставить все это гнить.

— Это все теперь твое, — пробормотала Селена зловещим тоном.

Да, все тут принадлежало ей. Анна наконец-то узнала правду. Ее мать Мари втихомолку купила этот дом на деньги, унаследованные от отца. А после смерти Мари право собственности на дом перешло к Анне, хотя сама она об этом даже не подозревала. Тетя, которая стала опекуницей девочки, попросту взяла дело в свои руки и поселилась в нем вместе с племянницей. *Зачем? Зачем жить в доме, где ты убила ее?* Дом был неплохой, в приличном районе — это тете тоже наверняка понравилось, но нет, причина была не в этом. Анна знала, что тетя жаждала остаться поблизости, купаться в крови своих грехов, жить в тени проклятия, держать пустоглазого голема, вылепленного ею по образу и подобию отца Анны, в комнате на верхнем этаже, где были убиты родители Анны. *Наказание и удовольствие. Удовольствие и наказание.* Для тети это было одно и то же.

Анна задавалась вопросом, почему ее мать выбрала этот ничем не примечательный дом на этой ничем не примечательной улице в Эрлсфилде. Быть может, эта неприметность и была именно тем, чего она искала, — какое-то место, где она могла бы спрятаться, исчезнуть, чтобы тетя и наузнники не смогли найти ее. Но расчет не оправдался. Как только Анне исполнится восемнадцать и она по закону сможет самостоятельно распоряжаться своим имуществом, она продаст этот дом, а до тех пор ей просто хотелось запереть все связанные с ним кошмарные воспоминания.

В дверь позвонили.

— Уборщики! — Селена вскочила, явно радуясь возможности переключиться на что-то другое. — Давай-ка пробежись быстренько по комнатам и посмотри, не хочешь ли ты что-нибудь забрать. Или сжечь. Я большая специалистка по жертвенным кострам.

Анна выдавила из себя первую за весь день улыбку. Однако едва стоило ей выйти из кухни в тишину гостиной, как улыбка замерла на ее губах. Все происшедшее вновь встало у нее перед глазами: наузнники, поглощенные своей магией, шипы, вонзающиеся в плоть, Аттис с Эффи, связанные, в центре комнаты, тетя, требующая от нее: *Убей их, убей их, убей их...*

Перед ней открывалась пустая холодная комната. Все в ней было как всегда — их с тетей фотографии над камином, тетины книги на полках, розы в кадке, уже начинающие увядать.

Анна прошла мимо старого тетиного кресла. Подголовник до сих пор хранил отпечаток ее головы. Она погладила пальцем коре-

шок тетиной Библии на столике у кресла: тетя выбирала из нее стихи, которые они с Анной потом вышивали. *Стежок вперед, стежок назад...*

Анна бросила прощальный взгляд на пианино. В глубине ее души тренькнула какая-то струнка, но она поспешно запретила себе думать об этом. Инструмент никогда ей не принадлежал. Вся музыка, которую она играла, все счастливые мгновения ее жизни... все это было тетино. Это она всегда всем дирижировала. Анна почти слышала звук метронома, отщелкивающего тетино осуждение. Тетя словно бы стояла у нее за плечом, готовая сообщить девочке о том, что та все делает неправильно, что нужно играть быстрее, медленнее, по-другому, лучше; что нужно больше стараться. Анна всегда старалась недостаточно. Сквозь трещины в клавишах выступила кровь, потекла на пол...

Анна сморгнула, и кровь исчезла.

Она выскочила из гостиной и едва не сбила с ног одну из уборщиц:

— Ой, простите, пожалуйста...

Женщина улыбнулась:

— Хочешь, чтобы я начала отсюда, дорогуша?

— Да, конечно... я... да, пожалуйста...

Анна бросилась к лестнице, страшась, что сходит с ума. *Смогу ли я когда-нибудь освободиться от тети? Смогу ли я когда-нибудь снова дышать?* Анна опять ощутила приближение тьмы. Она хлынула на нее из комнаты на верхнем этаже, грозя затопить. Анна не была там с того раза, но не было ни одной ночи, когда девушка не видела бы ее во сне. Она пойдет туда и взглянет в лицо своему страху. Запрет дверь на замок и раз и навсегда покончит со всем этим. *Единственный выход — пройти через все до конца.* Так говорила тетя. Она была не из тех, кто сдается при первом же намеке на трудности, этого у нее было не отнять.

Анна двинулась по ступенькам вверх. Проходя мимо своей старой спальни на первом этаже, она краешком глаза уловила их с тетей тень: в отражении в зеркале тетя расчесывала ей волосы, как делала каждый вечер, сколько Анна себя помнила. Она миновала комнату тети. Тут все осталось точно в таком же безупречном порядке, как было при тетиной жизни. Анна остановилась внизу следующего лестничного пролета. Ноги ее внезапно словно налились свинцом, а ступени сузились и вытянулись, как будто им не было

конца. Как будто они были исполнены решимости не дать ей дойти до верха. *Шаг за шагом. Я могу это сделать.* Анна медленно двинулась дальше. Каждый последующий шаг давался ей труднее предыдущего. Воздух стал казаться каким-то разреженным, у нее закружилась голова; с каждой ступенькой ноги все сильнее наливались тяжестью, как будто она пыталась тащить за собой по грязи два якоря. Тьма давила со всех сторон, не давая дышать. Анна крепко держалась за перила, заставляя себя сделать еще шаг... и еще... и еще один... Перед глазами у нее все плыло. Она наклонилась вперед, чувствуя, что вот-вот потеряет сознание. *Еще шаг...* На него у нее ушли все силы до последней капли, а потом...

Анна завернула за угол на верхней площадке и слабеющей рукой нащупала выключатель. Вспыхнул свет, но тени не рассеялись. Вокруг коконом сомкнулась тишина.

Дверь впереди была открыта.

Во всем этом было что-то глубоко неправильное. Эта открытая дверь. Эти выплывшие наружу секреты. Эта комната, где тетя убила родителей Анны. Шестнадцать долгих лет там хранилось под замком их семейное проклятие. А теперь она не заперта. Проклятие вырвалось на волю. *Теперь оно живет во мне.*

Анна заставила себя подойти к двери. Переступив через порог, она обернулась, ожидая, что сейчас кто-нибудь на нее набросится. Но в комнате никого не было — ни вурдалаков, ни големов, ни поджидающей ее тети. Комната как комната. Кто-то раздвинул шторы и застелил постель. В окно лился дневной свет. И тем не менее Анна ощущала насилие с такой отчетливостью, как будто оно было рдевшими на обоях письменами на языке крови, воплей и ужаса, а отголоски того, что здесь произошло, до сих пор снова и снова отдавались эхом в этих стенах...

Она заметила на туалетном столике свое зеркало. То самое, которое сделала из магии и лунного света и которое помогло ей проникнуть в эту комнату. Оно пошло трещинами, и на столике рядом валялся выпавший острый осколок. Анна взяла его и вставила обратно на место — и ахнула от неожиданности. Трещины на глазах начали затягиваться, зеркальная поверхность на миг стала заворачивающе текучей, точно озерная гладь, на которую снизошло затишье после бури. А потом зеркало вновь стало целым. Анна постучала пальцем по стеклу, убедившись, что оно вполне твердое. Лишь в самом низу, там, откуда вывалился крупный осколок, присмотр-